

Сцена из спектакля «Дни Турбиных». Фото Александра Волобуева

Всероссийский театральный марафон — главное событие Года театра — достиг Барнаула в последние дни зимы, всколыхнув публику невиданным спросом на билеты. Беспрецедентная, как оценивают театралы со стажем, культурная акция началась в январе во Владивостоке, чтобы до конца года поочередно охватить все 85 регионов страны и почти 100 театров.

С одной стороны, это символическая эстафета передачи от региона к региону, от театра к театру символа Года театра — красивой и концептуальной скульптуры в виде греческого амфитеатра с изображением гербов российских регионов. «Весь мир — театр...» — как бы вторит автор этой умещающейся в руке скульптуры известный московский художник-монументалист Андрей Ковальчук хрестоматийным строкам из Ронсара и Шекспира.

Другой, событийной, стороной марафона стали межрегиональные гастроли театров, которые сегодня, увы, случаются не так часто, как хотелось бы. И то, что алтайская «драма» вошла в сотню участников марафона, — честь и невероятное везение как для театра, так и для зрителей.

Приехавший к нам в рамках марафона известный в театральной России новосибирский «Глобус», не верится, но впервые посетил Барнаул с гастролями. Федеральный центр поддержки гастрольной деятельности взял на себя всю финансовую и организационную нагрузку по обеспечению марафона, так что «Глобус» позволило себе вывезти то, что представило бы театр в глазах новой публики самым выигрышным образом, — коллекцию из трех разножанровых и разностильных постановок,

показанных в оригинальном виде. В выигрыше оказались, прежде всего, зрители, обеспечившие аншлаг на каждом представлении «Глобуса». И артисты, которые смогли, наконец, встретиться и пообщаться за кулисами, чего нельзя было представить во время обменных гастролей, — еще один плюс марафона.

По той же схеме продолжил эстафету марафона в Кемерово Алтайский краевой театр драмы имени Шукшина. Наши артисты показали на сцене Кемеровского областного драматического театра спектакли «Два ангела, четыре человека», «Квадратура круга» и «Зойкина квартира». И тоже с огромным успехом, доказывая в очередной раз, что театра много не бывает.

Елизавета Гамаюнова

«Глобус» привез в Барнаул три спектакля. «Дни Турбиных» по пьесе Михаила Булгакова, «Учителя танцев» Лопе де Вега давали на основной сцене, а «Крейцерову сонату» по повести Льва Толстого — на малой.

Комедия, признаюсь, не мой жанр, но я с интересом наблюдала в «Учителе танцев» за игрой актеров, которые накануне участвовали в спектакле «Дни Турбиных». Немного мешало то обстоятельство, что в главном герое — Альдемаро (актер Никита Сарычев) проступал Лариосик, а в обрисовке Вандалино (Александр Петров) сквозил аффектированный Шервинский. Зато Флорела (актриса Анна Михайленко) показалась целиком самостоятельной, независимой, вполне «очищенной» от вчерашней Елены Тальберг. Как самую яркую хочется выделить роль яростной интриганки Фелисьяны в исполнении актрисы Веры Пунич, сполна наделенной комедийным артистизмом.

«Учитель танцев» — музыкальная, динамичная, дурашливая постановка кви про кво, в которой, как водится, интриги счастливо распуываются, опасности улечиваются, а финал украшается многочисленными свадьбами. Зрители вволю насмеялись и прекрасно отдохнули.

«Дни Турбиных» — пьеса известная, любимая. Она имеет множество сценических воплощений и киноверсию с легендарными актерами, которые волей-неволей стоят за спиной у новосибирских исполнителей.

К счастью, у «Глобуса» свои «Турбины». Это добротная интересная постановка, удачно избежавшая кинокальки и существующая на сцене уже восемь лет.

Спектакль просторен, открыт, ассоциативен. Он подвигает зрителя к размышлениям, позволяя бесконечно насыщать действие, запараллеливать события столетней давности с современностью. Частью этому способствует текст пьесы и прежде всего тема Украины. «Европе нужна гетманская Украина как кордон от большевиков», — объявляет политическую повестку Владимир Робертович Тальберг (артист Владимир Алексейцев). Домашний уют Турбиных рвут споры; дружеские посиделки переходят в пьяную истерику, вызванную тревогой о судьбе страны.

Непрестанно плывущие по небу облака, которые видны в проемы двери и окон, будто говорят: время идет. Винтажные часы с застывшими стрелками сообщают: время стоит. Тема, звучащая у Булгакова, из векового отдаления прямоком попадает в настоящий день.

Устройство сцены захватывает воображение. Художник Анастасия Глебова (Москва), на мой взгляд, прекрасно распоряжается театральным пространством. Спектакль использует всю глубину сцены до последней ее границы — это весьма внушительная площадь, однако и она видится постановщикам недостаточной. Дополнительно к аван- и аррьерсценам они захватывают пространство около первого ряда и движутся дальше в зрительный зал, вовлекая публику в действие, в Гражданскую войну, превращая проходы между креслами в улицы Города, по которым чеканят

шаг отряды юнкеров в исполнении десятиклассников Сибирского Кадетского Корпуса.

В левой части сцены со скрупулезностью антиквара воссоздана гостиная Турбиных. В центре комнаты и жизни — красивый прочный массивный овальный стол — всегдашнее место сбора семьи и ее друзей. Слева диван с круглыми подлокотниками, высокой спинкой, обрамленной деревянной рамой. Буфет, высокие напольные часы с маятником, удобные стулья, печные изразцы, огонь в камине. Интерьер уточняется душевными подробностями: цветок, салфетки, фотографии, самовар, скрипичный футляр на буфете. В этом доме хочется жить, несмотря на проникшую в его быт разруху: поблекли потолочные росписи, местами стены обнажились до дранки. Знаменитых булгаковских кремовых штор зритель не видит, но о них, «хранящих уют семейного гнезда», говорит Лариосик (актер Никита Сарычев).

В сценографии Глебовой улавливается некий шифр, его понимание индивидуально, не всякий, вероятно, подберет к нему ключ, но стоит попробовать, поскольку разгадка привносит в спектакль сверхштатные эмоции. К примеру, огонь в камине и зеленая настольная лампа сами по себе привычные символы домашнего очага, семейного уюта. Но отдельно взятые цветовые пятна — красный и зеленый — сообщают иные значения: тревоги и покоя, катастрофы и робкой надежды на счастье. Между этими разнонаковыми полюсами мечутся герои пьесы — так проходят дни. Очаровательны сумерки, открывающие второй акт. Медленно наливается светом когда-то изящный, а теперь обветшалый плафон, и в «прорезях пустот» яснее крест, осиявший, словно знамение, полумрак и тишину.

Николка — актер Никита Зайцев. Фото Александра Волобуева

Действие, насквозь пропитанное творческой стихией (Лариосик пишет стихи, Николка играет на гитаре, все с удовольствием поют хором, Шервинский и вовсе оперный певец, Мышлаевский цитирует «Я, гений Игорь Северянин»), невольно вызывает в памяти поэтические строки, обращенные к излюбленному вечному русскому символу. И к планиде Турбиных присоединяются сотни других русских судеб, в разные годы стоящих на краю истории.

Холодно. В сумерках этой страны
Гибнут друзья, торжествуют враги.
Снятся мне в небе пустом
Белые звёзды над чёрным крестом.
И не слышны голоса и шаги,
Или почти не слышны...
(Георгий Иванов. 1894 — 1958)

* * *

Мне не знакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей — давно оставленной — России
Мне не хватает русского окна.

Окно мне вспоминается доньше,
Когда в душе становится темно —
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.
(Иван Елагин. 1918 — 1987)

Постановка содержит несколько очень эффектных сцен, из тех что воодушевляют зрительный зал и замечательно смотрятся в фотоматериале. Одна из них — массовая — организована в правом секторе площадки, где располагается городская гимназия. Распахивается дверь, и с мороза, в клубах пара, с зацепленным на сапоги снежком, заходит строевым шагом, грохоча от всей души каблуками по подмосткам, юнкерский взвод. В домашней половине спектакля интересны эпизоды с эпатажным Шервинским — Александром Петровым, Лариосиком в пародийном зимнем одеянии, Мышлаевским — Артуром Симоняном, обескураженно восклицаящим: «Вы что, водкой полы моете?!»

Актер Никита Зайцев неотъемлем от своего героя — Николки, органичен в любых мизансценах: с гитарой, с полотенцем, изучающим Лариосиковы варежки на резинке, воющим по убитому брату Алексею Турбину (актер Владимир Дербенцев). И Елена (Анна Михайленко) соответствует эпитету, с которым к ней обычно обращается Мышлаевский, — Елена Ясная.

Не всех зрителей устроили характеры героев в разработке «Глобуса». Шервинский показался излишне театральным, Лариосик — карикатурным, Мышлаевский и Алексей Турбин — недостаточно яркими. Что может сделать театральным режиссер, если герои навсегда приняли облик известных киноактеров: Василия Ланового, Сергея Иванова, Владимира Басова, Андрея Мягкова? Только создать свое. Мне кажется, непростая задача во многом была решена. Режиссеру Елене Неужиной (Москва) и актерам Александру Петрову, Никите Сарычеву, Артуру Симоняну удалось достойно выполнить творческую

работу: их герои самобытны; характеры даны в развитии. Что касается роли Алексея Турбина, то она изначально задана в спектакле схематично и эпизодично.

Во втором акте Турбины и их друзья вновь собираются за привычно-гостеприимным столом. Рождество. Лариосик наряжает елку, макушку рождественского дерева венчает восьмиконечная звезда. Офицеры царской армии привыкают к слову «товарищи». Мышлаевский произносит: «Россия кончена». На плафоне высвечивается крест. В доме Турбиных слышится канонада — это Город салютует большевикам. Герои стоят на фоне огромного ночного зимнего неба, на краю у звездной и снежной бездны. Николка с подъемом говорит о великом прологе к новой исторической пьесе. Студзинский (заслуженный артист России Павел Харин) подхватывает: «Кому пролог, а кому эпилог».

Звучит романс «Гори, гори моя звезда...» в исполнении группы ДДТ. Снова печатают шаг юнкера (или уже не они?). Непрочен мир, мятежна жизнь — зал заражается смятением, тревогой. «Дни Турбиных» в постановке театра «Глобус» задевают за живое, будоражат сегодняшние воспаленные думы.

Освободясь от лошадиных шор,
Толпа берёт билеты до америк,
И Бога я молю, чтоб не ушёл
Под нашими ногами русский берег...
(Евгений Блажеевский. 1947 — 1999)

На «Крейцерову сонату» хотелось попасть всем. Лев Толстой, известнейшее произведение русской классики — раз. «Золотая маска — 2015» за главную мужскую роль — два. В главной роли — заслуженный артист России Лаврентий Сорокин, а на спектакли с его участием зрители сибирских городов специально едут в Новосибирск — три. Ажиотаж подогревается тем, что пьеса идет на малой сцене, которая может вместить только 217 человек. Конечно, зал оказался переполненным, и некоторым фанатам (и мне в их числе) пришлось смотреть постановку сидя на ступенях амфитеатра. Чего ни сделаешь ради искусства!

Спектакль интригует еще не начавшись, поскольку постановщики — режиссер Алексей Крикливый и сценограф Каринэ Булгач — вернули театр наизнанку. Они переместили публику за кулисы, предложив ей занять рабочее место актеров и уперев последний ряд в задник, а игровую коробку расположили на авансцене. Действие разворачивается в вагоне-ресторане. Сценический планшет и амфитеатр расположены друг к другу столь близко и все театральное помещение столь невелико, что зрители ощущают себя попутчиками героев пьесы, будто сидят в том же вагоне-ресторане за столиками напитков.

Сценограф Каринэ Булгач и художник по свету Елена Алексеева доподлинно воспроизвели богатый, сценически выгодный железнодорожный антураж. Хрипящие переключки диспетчеров, лязг вагонных буферов, перестук колес, долгие и тревожные гудки встречных, бегущий за окном

Жена Позднышева — актриса Екатерина Аникина, Позднышев — заслуженный артист России Лаврентий Сорокин.

Фото с сайта театра «Глобус»

пейзаж и прогуливающиеся на стоянках пассажиры, подвижный колеблющийся свет — вся вагонная романтика восстановлена предельно реалистично. О художественной иллюминации чуть подробнее: свет волнует воздушное пространство, теплые «зайчики» качаются на лицах; станционные прожектора безжалостно слепят пассажиров; при наборе поездом скорости полумрак ритмично чередуется с яркими всполохами; светотени блуждают по всему вагону.

Нетрудно соотнести игру света и тени, сокрушающие звуки железной дороги с психологическим состоянием главного героя, с его болезненной измученной душой. Стержень спектакля — монолог Позднышева, человека, убившего жену. По сути «Крейцера соната» — моноспектакль заслуженного артиста России Лаврентия Сорокина. Главный герой рассказывает случайному попутчику свою жизнь, выворачивая себя до дна, вынося на свет божий всю изнанку души. Протяжные беспокойные паровозные гудки подчеркивают смысл сказанного, организуют паузы перед сменой интонации.

Как именно была убита жена, Позднышев, будто бы он на следственном эксперименте, показывает на большом мешке с мусором. Мешок прозрачный, и его неприглядное содержимое лезет в глаза. Действие неведомым образом

рифмует перевернутое театральное пространство, выворотку мешка и душевный испод.

В спектакле нет острой внешней занимательности. Мы наблюдаем внутреннее, обычно невидимое, следим за движениями души, трансформацией человеческого «я». На наших глазах происходит превращение чистого восторженного юноши в убийцу, и далее — в того Позднышева, который осознает: он совершил то, что невозможно искупить. Для чего же тогда был дан ему мир божий? Тупик. Фиаско.

Лаврентий Сорокин — но в данную минуту Позднышев — вынуждает нас ощутить потрясение человеческой психики. Смещение оторопи, испуга, катарсиса накрывает зрителя в финале. Как это удастся актеру? Весь Сорокин есть острое психологическое проницание, перевоплощение, а движения, мимика, интонировка речи произвольно отражают его внутреннее состояние.

Лаврентий Сорокин, несомненно, высокий мастер, актер-виртуоз. Спектакль идет час тридцать пять минут без антракта и пролетает в полном самозабвении. По его окончании некоторые зрители сбегают с верхних ярусов к самой сцене, аплодируя на ходу и крича «браво». ■

Лариса Вигандт